

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТЬ» И «УПРАВЛЕНИЕ»
В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1960–1980-ГГ.)**
.....**В. В. Меньшиков***

Если на Западе развитию политической науки, политической социологии, политической философии, исследованию власти уделялось большое внимание (и в теоретическом, и в прикладном плане), то в социалистическом лагере положение дел обстояло иным образом. Господствующее положение марксистской идеологии, марксистского учения заранее предопределяло основную направленность политических исследований. Особенно жесткой эта регламентация была в период так называемого культа личности Сталина, когда целые научные направления, философские школы, отдельные ученые подвергались репрессиям за малейшие подозрения в нелояльности к существующему строю, за проявление излишней самостоятельности в исследованиях.

Тоталитарная конструкция общества как господствующая основа общественной и политической жизни во многом обусловила соответствующее развитие политических представлений. При этом было бы неправильно понимать тоталитаризм однозначно как политический режим, сохраняющий свои качественные характеристики в неизменном виде. Тоталитаризму присущ соответствующий способ организации властного взаимодействия, в котором определяющую роль играет иерархическая организация централизованно осуществляемого властного регулирования. Последнее в разные периоды может иметь различное содержание: опираться главным образом на насилие и принуждение или на административно-бюрократическое воздействие, в котором насилие и принуждение могут выполнять вспомогательную роль по отношению к убеждению. Это дает отдельным авторам основание для классификации периодов тоталитаризма на сталинский, хрущевский, брежневский и послебрежневский (вплоть до «перестройки»). На первый взгляд такая классификация в на-

---

* Меньшиков Валерий Владимирович — кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

учном отношении выглядит курьезной, в лучшем случае необидительной. Но если учесть, что при тоталитаризме личность вождя играет весьма значимую роль, ибо накладывает соответствующий отпечаток на политику, проводимую в период его правления, при всей условности такой классификации с ней можно согласиться, тем более если она позволяет выделить специфические черты, свойственные каждому из названных периодов. Да, тоталитарная система влияет на поведение вождя, вносит определенные коррективы в его деятельность. Он вынужден считаться с ее требованиями в рамках имеющейся в его распоряжении власти. Однако независимо от этого он в состоянии оказывать решающее воздействие на принятие окончательных решений, диктовать условия и волю своим подчиненным, так как все органы власти находятся в его распоряжении, под его контролем. Контролировать и вносить соответствующие коррективы в собственные действия – дело не только трудное, но и опасное. Складывающаяся при таком режиме иерархия властных отношений образует систему, препятствующую контролю и критике деятельности верховных органов власти. Принцип живучести тоталитарной системы (пока она не вступила в силу внутренних противоречий в кризисное состояние) – недопустимость критики руководства снизу, отсутствие гласности, приверженность господствующей идеологии. Неукоснительное соблюдение этих требований – одно из условий, предъявляемых и к общественным наукам.

Важным фактором, сдерживающим объективный анализ действительного положения дел в советском обществе, являлся консерватизм партийной политической системы, которая в течение длительного времени оставалась почти неизменной. Назревал кризис внутри партии, которая в численно разрослась до невероятных размеров и по существу стала представлять аморфное, внутренне противоречивое образование. За неумолкаемыми восхвалениями, превознесением заслуг партии, ее руководства скрывались недостатки, назревшие противоречия, нерешенные задачи и обострившиеся проблемы. Структура партийной организации, которая сформировалась в условиях тоталитарных методов руководства, стала тормозом на пути общественного развития. Дело усугублялось тем, что внутри партии получили распространение бюрократические тенденции, росли злоупотребления служебным положением, карьеризм, коррупция, «комчванство». Возрастные, классовые, социальные, образовательные, политические критерии, выдвигаемые при приеме в партию, не могли служить достаточно прочным заслоном для недобросовестных людей. Кадровая номенклатурная политика, позволяющая реализовывать принцип личной преданности, субъективистского отбора кадров по формальным признакам, не способствовала улучшению дел. Безусловно, в партии были и честные люди, сознательно выполняющие свой долг; добросовестно служащие социалистическому строю, но, к сожалению, они не могли существенным образом повлиять на создавшуюся в партии и стране обстановку.

Фактически Коммунистическая партия СССР не была той монолитной и единой силой, за которую себя выдавала. Идея «всеобщего единства» партии и

народа, декларируемая партийным руководством, не соответствовала реальному положению дел. Народ формальным образом участвовал в формировании властных структур. Фактически не было механизмов, позволяющих оказывать соответствующее воздействие на принимаемые властью решения.

В самом общем плане в партии можно выделить три основных вида групп интересов. Первая группа – это коммунисты, искренне желающие навести порядок внутри партии, устранить имеющиеся недостатки, очистить ее ряды от случайных людей, а также тех, кто позорит ее честь и достоинство.

Вторая группа («псевдокоммунисты», «квазикоммунисты») — люди, недовольные существующим строем, но пришедшие в партию по эгоистическим, карьерным мотивами с целью получения материальных и иных выгод, а также, если представится возможность, для борьбы с партией внутри нее. Главную цель они видели в том, чтобы разрушить партию как целостную организацию, подорвать к ней доверие народа, дискредитировать ее как политическую силу, отстранить от руководства обществом, разрушить социализм, утвердить общество, базирующееся на буржуазных либеральных ценностях.

Третья (самая многочисленная) группа – это члены партии, пассивно или нейтрально относящиеся к своей партийности, воспринимающие ее как один из способов приобщения к политической организации, в какой-то мере гарантирующей им возможность для более уверенного и прочного существования, решения карьерных и социально значим проблем. Эта многочисленная группа занимала промежуточное положение между двумя названными ранее. По своему составу, своим интересам она тоже неоднородна, члены ее имели различные предпочтения, которые в определенной ситуации могли существенным образом повлиять на принятие политических решений.

В этих условиях политически активную часть населения в основном составляли партийные функционеры, а также лица, по тем или иным причинам заинтересованные в политическом участии или вынужденные в силу возложенных на них обязанностей выполнять те или иные политические функции. У большинства населения, которое в течение длительного времени не имело возможности оказывать влияние на деятельность властных структур, выработался стереотип пассивного или формального отношения к политике.

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. осознание необходимости перемен было присуще значительной части взрослого населения СССР. Становилось все более очевидным, что власть структурно и морально устарела, не отвечает новым требованиям, не согласуется с произошедшими в обществе изменениями, не в состоянии дать новый импульс общественному развитию. Партийное руководство было не готово к радикальным переменам. Более того, в силу объективных (частой смены после смерти Л. И. Брежнева высшего партийного руководства), субъективных (неукоснительного следования давно отжившим догматическим установкам) причин момент для своевременных реформ был упущен. Полумеры, предлагаемые руководством, носили

в основном характер создания видимости стремления к переменам. Ситуация постепенно стала выходить из-под контроля, что во многом осложнило возможность бесконфликтного развития событий.

Вследствие закономерностей, свойственных политическому общественному развитию в кризисных ситуациях, когда к такому развитию событий не готовы существующие структуры государственной власти, деструктивные для данного общества силы бывают чаще всего лучше организованными, более инициативными, напористыми, энергичными, особенно если чувствуют соответствующую опору и поддержку. Вряд ли успешные действия этих сил следует считать случайными или объяснять их успех стечением обстоятельств. Без цели, без организации, без рычагов влияния и лидеров, обеспечивающих наличие названных факторов, без соответствующей материальной базы невозможна победа. Момент всеобщего недовольства масс существующим положением в СССР был ловко использован деструктивными силами, которые сумели не только организовать успешное наступление на правящую партию, дискредитировать в глазах общественности существующие властные структуры, но и укрепить свои властные позиции путем создания соответствующих политических властных институтов, благодаря которым стало возможным легитимно осуществлять намеченный курс. В данном случае «демократический PR» сработал более чем успешно. «Вместо обновления социализма на основе устранения его деформаций во всех сферах жизни общества... произошли такие кардинальные изменения, как распад мировой системы социализма, крах коммунизма и марксистско-ленинской идеологии, развал СССР и утрата КПСС своей монополии, возникновение многопартийности и политического и идеологического плюрализма, ликвидация Советской власти» [12, с. 6]. Когда речь идет о кризисе социализма, якобы обусловившем столь обвальный процесс разрушений, то вряд ли с этим до конца можно согласиться. При всех недостатках, внутренних противоречиях СССР в тот период обладал колоссальнейшими ресурсами, которые позволяли не только исправить, но и значительно улучшить экономическое и политическое положение страны. Для этого нужна была «добрая воля», стремление и соответствующие компетентные шаги, ориентированные на интересы не узкой группы «пробуржуазно» настроенных лиц, а на интересы основной массы населения. Действительно, темпы экономического развития страны во второй половине 1970-х – первой 1980-х гг. замедлились, частично это было связано с изменением конъюнктуры цен на мировом рынке, и прежде всего на энергоносители. Но этот факт не имел такого решающего значения, чтобы грозить существованию государства. Определяющую роль в возникновении и развитии кризиса в СССР сыграл властно-управленческий фактор. Система власти и управления настолько устарела, внутренне разложилась (качественно видоизменилась не в лучшую сторону под воздействием ряда факторов), что замена или реформирование ее стало необходимостью. Другое дело — кто этим воспользовался.

В такой противоречивой для страны внутренней и внешней международной ситуации осуществлялось исследование общественных и политических проблем, одной из которых являлась власть. Использование марксизма-ленинизма в качестве методологической и идеологической основы было обязательным условием, которым должен руководствоваться ученый, если он не хотел вступить в противоречие с властью. В силу этого основное внимание, как правило, сосредоточивалось на теоретических аспектах проблемы: разработке понятийного, категориального аппарата, выяснении сущности власти, ее признаков, форм, принципов.

Естественно, в таких условиях догматизм и демагогия, нарочитая демонстрация преданности существующему строю служили своеобразной защитой, мерилom благонадежности личности. При этом говорить о наличии свободы творчества не приходилось. В данный период политическая наука как особая самостоятельная отрасль знаний отсутствовала. Существовавшая марксистская теория, претендующая на эту роль, была не в состоянии в силу своей методологической ограниченности решить указанную задачу. Тоталитарным образом организованная власть была не заинтересована в наличии объективных политических исследований, которые подрывали бы ее престиж, ограничивали возможности для проявления волюнтаризма, субъективизма. Всякая попытка критики партии рассматривалась как враждебная социалистическому строю акция. В результате исследование проблем власти носило заведомо идеологизированный характер, игнорирующий анализ действительного положения дел в стране, имеющих в обществе противоречий.

При всей закрытости общества от буржуазного мира нельзя отрицать наличие определенного влияния зарубежной научной политической мысли, ознакомление с которой чаще всего было не непосредственным, а опосредованным. Критика буржуазных политических теорий, концепций власти способствовала расширению понятийного аппарата, позволяла получить общее представление об основных направлениях зарубежной политической науки.

В этот период проблемы власти исследовались, исходя из установок политического партийного руководства. Чаще всего говорилось о превосходстве социалистической политической системы над капиталистической, о выдающейся роли Коммунистической партии и ее вождя в решении задач социалистического строительства, о подлинном демократизме Советской власти, о единстве народа и партии, о превосходстве социалистического образа жизни над капиталистическим. Творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина было вне критики. Комментарии, даваемые в плане разъяснения отдельных положений марксизма-ленинизма, носили преимущественно пропагандистский характер. Считалось, что основы политической науки заложены основоположниками марксистского учения, чьими взглядами и нужно руководствоваться при исследовании общественных явлений. Такое понимание научных основ политики приводило к догматическому восприятию положений марксизма, абсолютизации его роли в науке, что отрицательным образом ска-

зывалось на политических исследованиях. Отказ от жестко тоталитарной формы организации политического бытия страны после смерти Сталина не был до конца последовательным и полным. Изменения не затронули существа политических отношений в обществе, так как организационные основы политической системы сохранялись в прежнем виде. Качественные изменения произошли в использовании репрессивных методов, что проявилось в уменьшении области физического принуждения и насилия. Независимо от этого уже во второй половине 1950-х гг. ошутимо изменяется положения дел в общественных науках. Повышается интерес к теоретическим проблемам политики, власти, самоуправления.

Одна из первых работ такого плана – статья А. И. Королева и А. Е. Мушкина «Государство и власть», опубликованная в журнале «Правоведение» в 1963 г. Главное достоинство этой работы в том, что в ней авторы показали важность разработки теоретических проблем власти. В ней были рассмотрены вопросы о понимании сущности власти и управления, о соотношении их между собой, о различиях между принуждением и убеждением и др. Некоторые высказанные авторами положения носили явно дискуссионный характер. Так, например, решая вопрос о соотношении понятий «власть» и «управление», они писали: «Понятие власти следует рассматривать в двух аспектах, ибо подобно каждому явлению власть представляет собой единство внутреннего содержания (волевой акт — „навязывание воли“, передача воли властвующего подвластному) и внешнего проявления („подчинение“ — руководство действиями и поступками людей, управление людьми). Именно это внешнее проявление власти позволяет определить ее в наиболее общем виде как управление» [7, с. 16]. Противопоставление власти как определенного вида волевого взаимодействия управлению людьми как внешнему выражению этого процесса вряд ли можно считать оправданным. Понимание внешнего проявления власти как управления, безусловно, имеет определенный смысл, так как осуществление власти в конечном счете реализуется в воздействии на социальное образование. Однако такого рода дифференциация на внешнее и внутреннее проявление в значительной мере искусственна, ибо демонстрирует одностороннее понимание воли лишь как внутреннего, субъективного акта, не имеющего никакого отношения к осуществлению его на практике. В своих дальнейших рассуждениях авторы приходят к выводу, что власть как управление людьми связана с материальными средствами, а власть как передача воли властвующего подвластным – с определенными способами осуществления власти. Под материальными средствами они понимают орудия власти, социальные нормы; под способами власти — «методы власти». «Следовательно, — делается вывод, — власть как управление людьми требует материальных средств — орудий власти, а власть как передача воли властвующего подвластным определенных способов, методов власти» [7, с. 18]. Таким образом, авторы материальным носителем власти видят не субъекта, а орудие власти, а внешним проявлением функций последнего — применение определенных методов. Методологически правиль-

ная постановка вопроса решается неверно в силу того, что за основу берутся понятия промежуточного плана: «орудия», «методы власти». Несмотря на имеющиеся спорные моменты, данная работа послужила своеобразным стимулом, давшим толчок к теоретической разработке проблем власти в отечественной литературе.

Известный специалист в области политической проблематики Н.М. Кейзеров, анализируя названную работу, отмечал методологическую ошибочность смешения власти и управления как общественно необходимого труда. По его мнению, «управление» — более широкое понятие, чем власть, и нуждается в применении власти лишь в том случае, когда то или иное распоряжение органов управления игнорируется, не выполняется [4, с. 35–36]. В более поздней работе он дает следующее определение власти: «Власть есть присущее обществу и определяемое его базисом волевое отношение между людьми (а в классовом обществе между классами), при котором применение ее носителем особой системы средств и методов обеспечивает выявление и доминирование властной воли посредством общественной организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм на основе принципа социальной ответственности» [3, с. 66].

А. К. Белых в своей работе «Управление и самоуправление», рассматривая вопрос о соотношении власти и управления, пишет: «Власть и управление — однопорядковые явления. Управление в любом обществе представляет в сущности своей функционирование общественной власти. Без власти нет управления. Управление естественное состояние власти. Как и управление, общественная власть — общесоциологическое явление, она присуща любому обществу, на всех этапах его развития» [2, с. 102].

Автор диалектически правильно понимает взаимосвязь, взаимозависимость управления и власти как социальных явлений. Смещение функционального доминирования в сторону управления или в сторону власти возможно, но оно не отрицает самого факта наличия взаимосвязи.

Другой исследователь, И. М. Степанов, отмечает, что власть выступает в виде совершенно естественного и объективно необходимого регулятора общественных отношений, в роли инструмента организации общества. Власть есть перенесение воли властвующего на подвластного. При этом воля понимается в социологическом плане. Основу ее составляют индивидуальные волевые побуждения, которые в итоге выступают не как арифметическая сумма индивидуальных волевых актов, а как новое волевое качество – общая воля, где со всей полнотой, ясностью и откровенностью выражены интересы и потребности социально типичные для данного сообщества в целом или для его отдельных групп. По вопросу о соотношении власти и управления И. М. Степанов занимает следующую позицию: «Управление — это главным образом организующая деятельность, а власть — это прежде всего авторитет» [10, с. 9].

Суждения автора о власти, характере волевого взаимодействия выглядят достаточно убедительными. Заслуживает внимания тот факт, что понятие власти связывается с регулированием. Что касается разграничения понятий «власть» и «управление», то оно не совсем убедительно. Авторитет чаще всего в научной литературе рассматривается как способ оказания влияния. Это влияние может носить преимущественно властный характер или базироваться на личных качествах, достоинствах человека. Иначе говоря, наличие авторитета не обязательно должно совпадать с наличием власти. Управление не исключает возможности использования властных методов, осуществления его властным образом, как и власть не исключает осуществления организационной деятельности, организационных функций. Введение разделительного понятия «авторитет» в данном случае не проясняет сути дела в решении вопроса о соотношении управления и власти.

А. И. Щиглик руководство, управление, властвование считает понятиями однопорядковыми. «Поэтому следует согласиться, — пишет он, — с мнением, что „внешнее проявление власти позволяет определить ее в наиболее общем виде как управление“. Вот почему... есть основание утверждать, что социальная природа управления обществом сводится именно к властвованию, т. е. перенесению воли властвующих или властвующего на подвластных или подвластного, т. е. к руководству поступками, действиями других людей» [13, с. 22].

Однопорядковость понятий «руководство», «властвование», «управление» состоит в том, что все они являются формами (видами) социального регулирования, при этом каждое из них несет в себе наряду с общими моментами нечто отличное. Руководство указывает на наличие соответствующего качества у субъекта по отношению к объекту, на неравное положение их в структуре властных и управленческих отношений. Сведение власти к властвованию по аналогии с управлением, понимание их преимущественно в функциональном, процессуальном плане не устраняют существующих между ними различий. Трактовка властвования как сугубо волевого отношения, якобы входящего в социальное управление, не совсем верно отражает реальное положение вещей, ибо волевое взаимодействие присуще и социальному управлению безотносительно к тому, используются им властные методы или нет.

Ю. А. Тихомиров считает, что решение вопроса о соотношении государственной власти и государственного управления чрезвычайно важно. «С этой точки зрения, — пишет он, — можно с полным основанием поддержать позицию тех ученых, которые считают, что содержание власти наиболее ярко проявляется в государственном управлении. Управление как процесс реализации власти, ее внешнее выражение в этом смысле органически связано с властью и не может без нее существовать» [11, с. 31–32]. В этом высказывании автор правильно, на наш взгляд, отмечает единство управления и власти. Но вряд ли можно при этом согласиться с утверждением, что всякое проявление власти есть управление, а управление есть процесс реализации власти. Думается, что такой подход — следствие нечеткого разграничения понятий в функцио-

нальном и организационном (институциональном) смысле. Так, в начале своей книги автор дает следующее определение власти: «Власть является мощным организующим и регулирующим фактором общественной жизни. Ее можно охарактеризовать как способность подчинять поведение и деятельность людей воле всего общества или отдельного класса. Власть может выражать как общую волю и общие интересы, основываясь на добровольном и сознательном подчинении, так и волю группы людей, навязываемую большинству членов общества насильно» [11, с. 25]. Определение власти вполне приемлемо, хотя «способность подчинять», понимаемая в веберовском смысле, предполагает наличие реальной возможности это делать. В этой связи, думается, можно согласиться с мнением А. Г. Аникевича. «На наш взгляд, – пишет он, – определение власти как способности принуждать к повиновению имеет в своей основе смешение собственно власти с процессом ее осуществления, с властвованием, когда субъект власти реально утверждает и осуществляет свою властную волю и способен принуждать к ее исполнению в силу наличия в его распоряжении соответствующих средств и методов» [1, с. 51–52].

В работе «Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом» А. Е. Мушкин, подводя итог дискуссии по вопросу соотношения власти и управления, выделяет три наиболее значимые, по его мнению, позиции: «...понятие управления уже понятия власти, т. е. управление является частным, а власть — общим; понятие управления шире понятия власти, т. е. управление представляет собой общее, а власть — частное; понятия управления и власти тождественны» [8, с. 6]. Критикуя первые две точки зрения, автор отстаивает последнюю, утверждая, что управление есть власть. Наверное, решение данного вопроса состоит не столько в том, чтобы на основании имеющихся общих признаков отождествить эти понятия, а в нахождении и выявлении наряду с общими признаками тех различий, которые характеризуют власть и управление как специфические явления. Необходимо найти критерий, который позволил бы определить сущность данных понятий. Вопрос же о том, что шире – управление или власть, должен решаться каждый раз в зависимости от конкретных условий. Развивая дальше свою мысль, автор приходит к следующему выводу: «Наличие терминов „власть“ и „управление“ для обозначения одного и того же явления объясняется прежде всего объективными причинами. Эти два термина по существу соответствуют двум сторонам одного явления. Если оно рассматривается в социальном плане, то именуется управлением, а если характеризуется в психологическом аспекте, то называется властью» [8, с. 8]. Вряд ли это так, поскольку управление, как и власть, — это социологическое явление, содержащее определенный психологический аспект.

Решение вопроса о сущности понятия «управление», считает Ю. М. Козлов, предполагает выбор правильной методологической основы. Функции таковой, по его мнению, выполняет набор следующих категорий: а) область (сфера) приложения исследуемого понятия; б) его объем; в) его содержание. Объем поня-

тия «управление» характеризует объект управления и присущие ему особенности. Сюда относятся поведение, поступки, действия людей. Данные понятия имеют не только общественный, но и технологический смысл. Управление по своему характеру организационно. Автор различает два вида управления: надстроечное и производственное. «...Имеются достаточные предпосылки для ограничения производственных отношений от волевых форм их выражения, одной из которых являются отношения по управлению производством. В силу этого управленческие отношения не могут рассматриваться в качестве непосредственно производственных отношений, несмотря на их тесную связь с производством. Особенности управления, независимо от его конкретного объекта, следует искать в надстроечном характере этой общественно необходимой категории» [5, с. 20]. Развивая эту мысль в другой работе, автор пишет: «Управленческие отношения составляют одну из форм волевых отношений. В этом смысле они относятся к числу надстроечных отношений. Волевой характер управленческих отношений определяется тем, что их участниками являются люди, обладающие волей и сознанием. Эти отношения проходят через их сознание, сами являются прямым результатом воли и сознания человека» [6, с. 67]. Думается, попытка автора обнаружить различия между государственным управлением и управлением в области производства в определенном смысле объективно оправданна. Сферы различны, естественно, это накладывает соответствующий отпечаток на особенности проявления управления. Однако критерий, на основании которого осуществляется разграничение значений понятия «управление» (отношение к базису и надстройке), выглядит несколько надуманным.

Что касается понимания надстройки и базиса, то сегодня данный подход, присущий марксистской теории и интерпретировавший своеобразным образом гегелевское учение о гражданском обществе и государстве, утратил свою методологическую значимость. «Политика – не надстройка, а вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на социальную среду, перерешают свою судьбу, меняют свой статус в обществе» [9, с. 19]. Можно образно представить упрощенную модель такой конструкции, но она мало что привнесет в современное видение характера взаимоотношений в обществе. При этом было бы неверно считать гегелевское учение о гражданском обществе и государстве полностью приемлемым для объяснения процессов в настоящее время. Общество, где ведущую роль в формировании государственных структур играли сословия, существенно отличается от общества, где данные функции выполняют политические партии, на что в свое время обращал внимание М. Вебер.

Анализируя существующие подходы к пониманию власти, А. Г. Аникевич пишет: «Если не задаваться целью подробного разбора каждой из имеющихся точек зрения, то их условно можно разделить на три группы. Власть определяется как способность индивида, группы или всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей. Власть определяют как волевое соци-

альное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного воздействия, осуществляемой с помощью властных методов. Власть понимается как функция любого коллектива по руководству» [1, с. 44]. Автор справедливо отмечает, что понимание власти как способности навязывать волю представляется недостаточным, ибо в данном случае речь идет преимущественно о потенциальных возможностях власти. Чтобы отразить осуществление власти в реальной действительности, нужны дополнительные промежуточные определения. Ученый считает, что рассмотрение власти целесообразно начинать с понятия «управление». «Управление в обществе всегда осуществляется осознанно и основывается на более или менее четко выраженной направленности воли субъекта управления» [1, с. 53]. Уточняя свою позицию по вопросу соотношения власти и управления, А. Г. Аникевич подчеркивает, что основу социального управления составляет власть, ибо властвует не тот, кто управляет, а субъект власти или его представитель. Если управление – это целенаправленная, социально упорядочивающая деятельность, которая своей основой имеет волевое выражение интересов субъекта собственности, то власть – это волевое авторитарное выражение интересов субъекта собственности, проявляющееся в организации социального управления. Таким образом, власть здесь понимается преимущественно в институциональном (субъектном) смысле, а управление – в функциональном. Автор выделяет следующие основные характеристики, присущие социальной власти: собственность как социально-экономическую основу, источник, субстанцию власти; субъекты власти, в качестве которых всегда выступают субъекты собственности (собственность объективно детерминирует совпадение в одном лице субъекта собственности и власти); волевой характер власти; функции власти – осуществление интересов субъекта собственности посредством организации управления (в соответствующих формах) людьми и социальными процессами. Положительным в суждениях автора является то, что он существенное внимание уделяет взаимосвязи экономического фактора с сущностным содержанием власти. Однако абсолютизация этого фактора, экстраполяция его на политические отношения несколько искажает реальное положение. Не только обладание собственностью, но и социально-политическая значимость человека, его партийный, государственный статус могут быть источником власти.

Подводя итог анализа представленных в работе подходов к пониманию вопроса о соотношении понятий «власть» и «управление», можно сделать ряд выводов:

1. Господствующее положение марксистско-ленинской идеологии затормозило развитие теоретических исследований властных проблем.
2. Для 1960–1970-х гг. характерно появление ряда работ, в которых принята попытка проанализировать сущность власти и управления, их соотношение между собой.

3. Доминирующее критическое отношение к западноевропейской политической литературе в целом и к разработкам по власти в частности ограничивало возможность реального осмысления достижений в этой области.

Несмотря на наличие указанных факторов, следует отметить, что в 1960–1980 гг. возрастает интерес к властной тематике, стремление к теоретическим исследованиям в этой области. Именно в эти годы закладываются теоретические основания, формулируются проблемы, в определенной степени повлиявшие на дальнейшие кратологические исследования.

Библиографический список

1. *Аникевич А.Г.* Политическая власть: Вопросы методологии исследования. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
2. *Бельх А.К.* Управление и самоуправление. Л.: ЛГУ. 1972.
3. *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М.: Мысль, 1973.
4. *Кейзеров Н.М.* О соотношении понятий «социальная» и «политическая» власть // Вестник ЛГУ. 1966. № 5.
5. *Козлов Ю.М.* Некоторые теоретические вопросы управления как социальной функции // Вестник МГУ. 1968. № 2.
6. *Королев А.И., Мушкин А.Е.* Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2.
7. *Мушкин А.Е.* Государство и право – исторические разновидности органов и норм управления обществом. Л.: ЛГУ, 1969.
8. *Панарин А.С.* Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
9. *Степанов И.М.* Советская государственная власть. М.: Наука, 1970.
10. *Тихомиров Ю.А.* Власть и управление в социалистическом обществе. М.: Юр. лит-ра, 1968.
11. *Чуланов Ю.Г.* Власть и политическая оппозиция в современной России. СПб.: СПбГУ экономики и финансов, 1999.
12. *Щиглик А.И.* Управление людьми и руководство процессами производства // Советское государство и право. 1966. № 7.